

18+

КРИСТИН ЭВАНС
БЕЗ ЛЮБВИ

Кристин Эванс

Без любви

«Издательские решения»

Эванс К.

Без любви / К. Эванс — «Издательские решения»,

Катя графический дизайнер, живущая в Москве. За плечами огромное количество отношений. Манипуляторы, абьюзеры, эмоционально недоступные мужчины и один случайный брак, продлившийся всего полгода. В день, когда очередной «мужчина мечты» после бурной переписки исчезает, не назначив встречу, Катя достигает точки кипения. Не в силах больше выносить это, она принимает радикальное решение: «Год без мужчин».

© Эванс К.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Без любви

Кристин Эванс

© Кристин Эванс, 2026

ISBN 978-5-0070-2934-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Январь.

Телефон завибрировал, скользя серой змеей по столешнице. Катя открыла глаза и сразу поняла: его не будет. Еще не взглянув на экран, еще чувствуя на губах привкус вчерашнего «шабли» и соленых фисташек, она уже знала этот холод под ложечкой. Щель между шторами светилась белесым, болезненным светом московского утра. Где-то во дворе надсадно, по-бабьи завыл мусоровоз, перекрывая урчание холодильника.

Она потянулась к телефону. Серая змея уползла в уведомления, оставив после себя укус. Последнее сообщение — вчера, час ночи: «Спокойной ночи, Катюш»). Она даже перечитала его три раза тогда, вглядываясь в смайлик, пытаясь расшифровать, что он вложил в эту скобку. Нежность? Вежливость? А сейчас — тишина. Он был онлайн двенадцать минут назад. Она представила, как он лежит сейчас в своей постели, возможно, не один, возможно, просто перевернулся на другой бок и уснул, даже не вспомнив о ней. Эта мысль обожгла сильнее, чем если бы он написал какую-нибудь гадость.

Катя откинулась на подушку, чувствуя, как привычная тоскливая волна накрывает с головой. Человек-призрак. Виртуоз несостоявшихся встреч. Тридцать семь лет, кандидат наук, разведен. Глаза цвета осеннего неба и привычка говорить «мы» уже на втором свидании. Месяц переписки. Месяц надежд, которые она, как опытный кондитер, взбивала в пышный крем из его эмодзи, аудиосообщений с хрипотцой и обещаний «обязательно выбраться на Врубеля, ты же любишь?».

Она любила. Она хотела. Она снова купилась на это.

Катя села на кровати. Тело слушалось плохо, будто налитое свинцом. Левая нога затекла, и по ней побежали противные мурашки — единственное живое, что в ней сейчас оставалось. «С добрым утром, принцесса», — прохрипела она вслух, и собственный голос показался чужим, будто озвучка из дешевого мультфильма.

Она встала, и холод линолеума обжег пятки. Квартира встречала привычным одиночеством: чашка с засохшим кофе на столе, кактус на подоконнике, который выживал исключительно из чувства противоречия, засохший мандарин в вазе, еще с Нового года. Двадцать два квадратных метра студии в Марьиной Роще, которые она так любила обустраивать, сейчас напоминали камеру предварительного заключения. Она даже знала, где находится «параша» в этой камере. Вчера ей казалось, что это было уютное гнездышко, сегодня это была клетка.

Катя поплелась в ванную. Из зеркала на нее смотрела женщина «чуть за тридцать». Спущенные темные волосы, сероватая кожа, синяки под глазами от недолюбленности. Она рассматривала себя долго, придирчиво, как рассматривают дефект на любимой, но безнадежно испорченной вещи. Провела пальцем по морщинке у губ — она появилась в прошлом году, после очередного неудачного романа. Вчера, когда красилась, казалась себе почти красивой. Помада «нюд», стрелки. Ради кого? Ради аватарки в телефоне?

Она включила воду, умылась ледяной, чтобы прийти в себя. Капли стекали по лицу, смешиваясь с остатками вчерашней туши. Взгляд упал на зубную щетку в стаканчике — одну. Раньше их было две, иногда три, но мужские щетки имели привычку исчезать так же внезапно, как и их хозяева. Катя выплюнула пасту и посмотрела на свою руку, сжимающую щетку. Красивая рука, с аккуратным маникюром. Рука, которая умела готовить, рисовать макеты, гладить кота, которого не было, и гладить по спине мужчин, которые потом уходили.

Злость пришла внезапно, обжигающей волной, вытеснив апатию. Она вылетела из ванной, схватила телефон. Открыла сайт знакомств. Там, в списке совпадений, ждал своей очереди Андрей, а с ним еще десяток таких же. Фотки с удочками, с машинами, на фоне закатов. Потенциальные «призраки», абьюзеры, манипуляторы и просто скучающие придурки. Театр

боли, в котором она была и зрителем, и билетером, и главной героиней, неизменно умирающей в финале.

Она нашла скотч. И с холодной, почти хирургической решимостью стала заклеивать экран. Полоска на «лайках», полоска на сообщениях. Телефон вздрагивал и попискивал, но скотч делал свое дело — заставлял врага замолчать. Скоро экран покрылся мутной сеткой, сквозь которую едва угадывались иконки. Он стал похож на лицо в парандже.

Она выдохнула. В груди отпустило, но ненадолго. На смену злости пришла пустота, которую нужно было чем-то заполнить. Катя подошла к окну, отодвинула штору. Серое небо давило на крыши. Снег, выпавший вчера, уже растаял, превратившись в грязную кашу. Где-то внизу женщина тащила за руку ребенка, тот ревел, не хотел идти в садик. Обычная жизнь, обычное утро. А она стояла тут, и чувствовала себя выброшенной на берег медузой.

«Я не могу больше. Я не хочу больше».

Идея родилась как безумный акт отчаяния. Она подошла к столу, где лежал новый блокнот. На обложке была нарисована амазонка, скачущая на лошади. Дизайн дурацкий, пафосный, но в тот момент он почему-то показался ей пророческим. Катя провела пальцем по шершавой поверхности обложки. Амазонка на картинке была злой, сильной, ей было плевать на тех, кто остался позади.

Катя открыла первую страницу. Ручка дрогнула в руке.

15 января.

Сегодня я объявляю себя территорией, закрытой для посещения. На двенадцать месяцев. Никаких свиданий. Никакого флирта. Никаких томных вздохов в сторону симпатичного бариста. Только я. Та, которая всегда была либо полем боя, либо перевалочным пунктом для чужого счастья.

Это эксперимент. Я хочу узнать, что останется, если счистить с меня всю эту романтическую шелуху. Кто я, если меня никто не хочет прямо сейчас? Есть ли у моего тела другая цель, кроме как быть желанным? Есть ли у моей души другой голос, кроме как шептать: «Выбери меня»?

Я назову тебя «Дневник Амазонки». Потому что амазонки не ждали. Они скакали. Им было плевать, нравятся ли их стрелы мужчинам. Посмотрим, смогу ли я.

Она закрыла блокнот. В комнате стало тихо. Только шум машин за окном да ровный гул холодильника. Впервые за долгое время тишина была похожа на чистый лист.

Глава 2

Февраль

Первые две недели были похожи на попытку дышать под водой.

Катя просыпалась, и первая мысль была не о кофе и не о дедлайне по макету для кулинарного журнала «Новая Ням-Нямка». Первая мысль: проверить телефон. Рука тянулась к тумбочке автоматически, на уровне спинного рефлекса, и натыкалась на пустоту.

Раньше она листала ленту в транспорте, в очереди, в любую свободную секунду, заполняя эфир чужими жизнями. Теперь каждая свободная секунда была провалом в бездну. Она стояла в очереди в «Пятерочке» и смотрела на затылок мужчины впереди. Он был лысоват, с шеей в складку, но, когда он повернулся, Катя поймала себя на том, что оценивающе сканирует его лицо: пальто, обувь, наличие обручального кольца. Привычка, впаянная в подкорку. Раньше это было игрой, теперь просто пыткой.

В соцсетях было слишком пусто и скучно. Каждый пост счастливых пар, каждый завтрак вдвоем, каждая дурацкая фотка мужской руки на женской талии отдавались острой занозой. Раньше это был привычный фон. Сейчас же как ядовитая газовая атака. Она отписалась от половины френдленты, но и оставшиеся умудрялись выкладывать счастье. Даже котики и те были парные.

Вечерами было хуже всего. Она приходила с работы, раздевалась и садилась на пол посреди комнаты. Просто садилась и смотрела в стену. Раньше вечер был временем возможностей, вдруг кто-то напишет, вдруг что-то случится, вдруг жизнь изменится. Теперь возможностей не было. Были только она, стена и тишина.

— Кать, ты чего такая кислая? — Лена, ее лучшая подруга с универа, пододвинула к ней кружку с капучино в их любимой кофейне на «Китай-городе». Лена была замужем пять лет, у нее был сын Ваня и она смотрела на мир с усталым превосходством человека, чей быт вроде как устоялся.

— Опять придурок с удочкой, наврал?

— С удочкой? А, Андрей. Не знаю. Он исчез, Лен. Как сквозь землю провалился.

— Ну так найди другого. Чего страдать? Вон на сайтах знакомств их как собак нерезаных. Просто листай и все.

— Я перестала лазить по сайтам знакомств.

Лена поперхнулась кофе. Посмотрела на Катю долгим, изучающим взглядом, каким смотрят на человека, который только что сообщил, что собрался в монастырь.

— В смысле перестала?

— Все, перестала. — Катя отрезала кусочек чизкейка, но в рот не положила. — Я решила. Год без мужиков. Вообще.

— Охренеть. — Лена откинулась на спинку стула. — И надолго тебя хватит? Месяц?

— На год. До следующего января. Я так решила.

— Кать, это бред. Ты просто обижена. Подумаешь, очередной козел. У всех так бывает. А сидеть одной это ненормально. Будешь киснуть, обрастать мхом, станешь той странной теткой с котами.

— У меня есть кактус.

— Тем более. Кактус — это символ. Колючки вместо любви. — Лена вздохнула, лицо ее приняло выражение матери-наставницы. — Послушай, я понимаю, тебе больно. Но замыкаться в себе — это эгоизм. Ты закрываешься от мира. А мир — это не только мужики, это и мы, твои подруги. Нам с тобой что, теперь и поговорить не о чем будет? Мужики это же наша главная, основная тема.

— Главная тема? — Катя почувствовала, как внутри закипает глухое раздражение. — Лен, нам за тридцать. У нас есть работа, книги, путешествия. А ты говоришь — главная тема — мужики?

— А что, нет? — Лена искренне удивилась. — Ну, работа — это работа. А бабы без мужиков — это несчастные бабы. Это аксиома. Ты просто психологически защищаешься, придумываешь себе оправдание, чтобы не чувствовать боль.

Разговор закончился ничем. Лена ушла за сыном в садик, поцеловав Катю в щеку и бросив на прощание:

— Перезвони, когда остынешь. И не забивай голову всякой ерундой.

Катя осталась одна. За соседним столиком парень с бородкой что-то увлеченно рассказывал девушке с длинными волосами. Она ловила каждое его слово, подавалась вперед, касалась его руки. Катя смотрела на них и чувствовала знакомую, почти физическую ломоту в груди. Она заказала еще один капучино, хотя не хотела, просто чтобы посидеть в тепле.

Вечером, дома, накрыло с новой силой. Началась бессонница. Она лежала на кровати, уставившись в потолок, и слушала, как за стеной соседи занимаются любовью. Глухие ритмичные удары, сдавленный женский стон, скрип пружин. Противно, интимно, и так невыносимо. Она накрыла голову подушкой, но звуки проникали сквозь нее, въедались в мозг.

Она закрыла глаза руками. Телу было всё равно на ее умозаключения. Тело не читало манифест. Оно помнило тепло чужих рук, тяжесть чужого тела, вкус чужих губ. Ему было плевать на психологические практики. Оно хотело. Оно выло по ночам, как собака на луну.

Она сжалась в комок, обхватила себя руками. Попыталась представить, что это кто-то другой. Но руки были свои, слишком знакомые. Они не грели, они просто лежали. Она провела ладонью по животу, по внутренней стороне бедра, и тело отозвалось — предательски, остро, слишком остро. Она могла бы довести себя до разрядки, но в этом было что-то унижительное. Слишком похоже на признание поражения.

В три часа ночи она не выдержала. Встала, открыла холодильник. Съела кусок холодной курицы, даже не почувствовав вкуса. Потом еще кусок сыра. Потом шоколадку. Жевание успокаивало, создавало иллюзию деятельности, иллюзию наполненности.

Утром, глядя на опустошенную полку холодильника и собственное опухшее лицо в зеркале, она испытала приступ жгучей ненависти к себе.

— Ты жалкая, — сказала она отражению. — Ты просто жалкая. Ты решила прожить год без мужиков, а не выдержишь и двух недель. Ты заменяешь любовь сыром. Ты тупой, ходячий стереотип.

Она хотела разрыдаться, но слез не было. Была только сухая, выжженная пустота внутри и дрожь в пальцах.

Тогда она открыла «Дневник Амазонки». Страницы были чисты, кроме первой записи. Катя схватила ручку и написала крупно, почти продавливая бумагу:

28 января.

Ломка — это когда внутри воеет пустота, а снаружи тишина. Сегодня я ненавидела всех: Лену за ее правоту, соседей за их счастье, себя за глупую слабость. Я хотела написать Андрею. Я хотела, чтобы меня обняли. Хоть кто-нибудь. Но вместо этого я ела сыр и смотрела в стену. Я не знаю, пройдет ли это. Я не знаю, выдержу ли. Но я пока здесь. Я пока не сдалась. Амазонка, мать ее, на больничном.

Она захлопнула дневник, заварила крепкий чай и просидела до рассвета, глядя в окно. Где-то в шесть утра за окном зачирикали воробьи — наглые, живые. Им было плевать на ее ломку. Они просто радовались, что начинается день.

Глава 3

Март

Москва встречала март слякотью и ветром, который задувал под пальто и выстуживал душу. Катя шла на работу, перешагивая через лужи, и впервые за долгое время не думала о том, как выглядит со стороны. Не ловила взгляды прохожих, не поправляла волосы, когда мимо проходил симпатичный мужчина. Она просто шла. И это было очень странно.

В офисе ее ждал сюрприз. Крупный, в прямом и переносном смысле. Игорь, арт-директор, с которым у Кати года два назад случился короткий ни к чему не обязывающий роман, перетекший в привычный флирт у кулера, сегодня был не в духе.

— Катерина, — начал он, подходя к ее столу и нависая скалой, — по поводу макета для «Ням-Нямки». Ты там с цветами перемудрила. Сделай как-нибудь попроще. И поживее.

— Игорь, — Катя подняла глаза, — мы же утверждали эту гамму две недели назад. Ты сам подписал.

— Я подписал, а клиенту не нравится. Значит, переделывай. — Он замолчал, ожидая привычной реакции: улыбки, шутки, того самого «женского обаяния», которое Катя всегда умело включала, чтобы сгладить рабочие шероховатости. Раньше она бы кокетливо закатила глаза, сказала что-то вроде: «Ну Игорь, ты меня сегодня совсем замучаешь», и он бы оттаял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.